

Вечерняя самоподготовка во время спортивного праздника — это время полной расслабленности, когда даже классный руководитель не заглядывает в кабинет. Дисциплины никакой: кто-то болтает, кто-то делает уроки.

Возле парты Се Юйму выстроилась целая очередь.

— В этой задаче нужно провести две вспомогательные линии... доказать, что эти два треугольника равны...

— В учебнике есть пример, там всё то же самое.

— Химическая формула неверная.

— Здесь ошибка, не эта формула, нужно преобразовать...

Во время перемены Кун Цин просто разминала плечи и шею, как вдруг случайно глянула в окно. Батюшки, у задней двери столпилась куча девчонок! О чем-то говорят, но слышно плохо, далековато.

Кун Цин это зрелище изрядно раздражало.

Вскоре вернулся Чжоу Бинь, неся в охапке гору шоколада и изящно упакованных конвертов. Кун Цин, покусывая кончик ручки, получила тычок от Ван Синьтянь:

— Сплетни принесли! Спрашивай скорее, а потом за уроки.

Кун Цин с досадой, что её раскусили, отозвалась:

— Чжоу, мне вон ту розовую шоколадку.

Чжоу Бинь расплылся в улыбке:

— О, хорошо, держи. — И принялся радостно делить добычу.

Ван Синьтянь смотрела на них с недоверием:

— Я вообще-то не про еду спрашивала!

— Слушать сплетни вкуснее, когда что-то жуешь, одно другому не мешает, — Кун Цин не видела в этом никакой проблемы и даже сунула подруге кусочек.

— Ешь, не переживай. Я уже всё выяснил: съедобное — мне, а письма — для брата Се.

Наказали передать лично в руки, — Чжоу Бинь весело сгреб стопку конвертов и запихнул в ящик стола Се Юйму.

С первого раза всё не влезло, пришлось утрамбовывать:

— Брат Се, ящик переполнен, разберись тут.

Сам Се Юйму остался невозмутим, продолжая решать задачи.

Кун Цин посмотрела на эту гору писем:

— И что с ними делать?

Чжоу Бинь поймал взгляд Се Юйму, тут же всё понял, ловко выгреб всё содержимое ящика, сложил в пакет и поставил под стол:

— Брат Се всё равно откажет, он это делает мастерски. А письма потом отнесем учителю Чжао. Там везде имена, не на макулатуру же их сдавать.

— На макулатуру? Где твоя совесть! — обернулась сидевшая рядом Вэньвэнь, вступая в разговор.

— Да не это я имел в виду! Я шучу, конечно, никто так не сделает, — поспешно оправдывался Чжоу Бинь.

Кун Цин, напротив, не унималась:

— Слушай, а если мы сотрем имена, сколько за них можно выручить?

Чжоу Бинь попытался вспомнить, сколько раз он уже носил подобное учителю Чжао:

— Килограмм сто точно наберется, там уже целый угол завален.

Се Юйму отложил ручку и прочистил горло:

— Мы носим это учителю Чжао, потому что она умеет с этим правильно обращаться. Вы объели девочек, так хоть рты закройте.

Кун Цин и Чжоу Бинь в один голос отозвались:

— Поняли, молчим.

Учитель Чжао действительно обладала особым подходом к таким делам — совсем не таким, как завуч Фан.

Поступок Се Юйму был самым разумным. Кун Цин понимала, что про макулатуру они шутили, но ей казалось, что эти девчонки вовсе не влюблены по-настоящему. Это просто фанатизм. Кто в школьные годы не симпатизировал тем, у кого хорошие оценки? Или тем, кто красив, или отлично играет в баскетбол, или поет под гитару? Всекие бывают яркие личности.

После самоподготовки Ван Синьтянь докатила инвалидное кресло Кун Цин до ворот школы и дала наставления:

— Вернешься — доделай упражнения, и по математике тоже не забудь. С конспектами смотри сама, если успеешь — приведи в порядок, завтра проверю. И зарядку для моего планшета не забудь поставить.

Кун Цин кивнула:

— Запомнила, запомнила.

Пока они ждали, когда водитель развернется, Кун Цин краем глаза заметила на тропинке, ведущей к общежитию, две фигуры — высокую и низкую. В голове тут же сработал радар для сплетен: что это они задумали? Совсем завуча Фана не боятся?

По вечерам на этой дорожке никого не бывает, обычно там ходят только по выходным, возвращаясь в школу.

Ван Синьтянь проследила за взглядом подруги:

— Ну ты даешь, слов нет.

Кун Цин хихикнула:

— Скучная школьная жизнь требует немного острых ощущений со стороны.

Увидев, что водитель вышел из машины и направляется к ним, Ван Синьтянь прошептала:

— Езжай скорее, я пойду в общежитие тем же путем. Если что увижу — напишу. И не забудь про уроки!

— Ага, ага, — закивала Кун Цин.

Проводив взглядом отъезжающую машину, Ван Синьтянь пошла в сторону общежития. Та парочка уже скрылась, но дорожка была полна других влюбленных, держащихся за руки. Смелые! Завуч Фан мог в любой момент выскочить из засады у травянистого склона — он обожал ловить таких по вечерам.

Ван Синьтянь ускорила шаг. Пара под деревом — не знакомы. На каменной скамье — не знаю. А вот те, что держатся за руки — мимо них она прошла быстрым шагом.

На повороте она разглядела лицо девушки. Вот это удача — знакомая! Ду Цяоци.

Отлично, эта новость Цици точно понравится.

Парень рядом тоже показался знакомым, но кто это — непонятно, скорее всего, из параллельного класса.

Ван Синьтянь достала телефон и отправила сообщение: Ду Цяоци идет к общежитию, держась за руки с каким-то парнем.

Кун Цин, сидя в машине, получила сообщение и замерла.

Кун Цин: Знаешь этого парня?

Ван Синьтянь: Лицо знакомое, но имени не знаю.

Кун Цин: Неважно. Если они будут так гулять по вечерам, завуч Фан их рано или поздно поймает.

Ван Синьтянь: И не говори. Всего десять минут пути, а я встретила четыре или пять пар. Сразу за поворотом уже слышала крики завуча.

Кун Цин: Ха-ха-ха, ожидаемо. Он же бог того склона.

Ван Синьтянь: Я дошла до общежития, завтра обсудим.

Кун Цин: Угу, до завтра.

Дома водитель и сиделка слаженно помогли Кун Цин выбраться из машины. Как только она оказалась в гостиной, последовал ожидаемый допрос.

Кун Цин подумала: ну надо же, Ду Цяоци — настоящий мастер тайм-менеджмента. Вечером с парнем за ручки держится, а потом еще успевает жаловаться родителям.

Мать Хэ сначала получила сообщение от Кун Цин, а потом ей позвонила Ду Цяоци. Выражение лица женщины было крайне сложным. Если информация не совпадает лишь в деталях, значит, обе стороны что-то скрывают, но если противоречия серьезные — значит, кто-то откровенно лжет.

Кун Цин написала: Сегодня на спортивном празднике в беге на длинную дистанцию участвовали трое из нашего класса. Мы с Чжоу Бинем отвечали за воду. Я дала бутылки Ван Синьтянь и Вэньвэнь, а Чжоу Бинь — Ду Цяоци. Ду Цяоци при всех стала называть меня сестрой еще до того, как пришли результаты теста ДНК. Я посчитала это неуместным и отказалась, после чего она расплакалась.

А Ду Цяоци рассказывала, что после забега она подумала, что Кун Цин принесла воду ей, но та намеренно не дала, и она задалась вопросом, не имеет ли Кун Цин что-то против неё... и что она ни за что не станет отбирать вещи у сестры.

Кун Цин выслушала это и подумала: отличная попытка, но с интеллектом тут явно проблемы.

Она объяснила матери ситуацию с водой:

— Мам, всё было совсем не так! Весь ящик с водой был у меня в коляске. В забеге участвовали трое наших, а у меня всего две руки. Одну бутылку отдала Ван Синьтянь, другую — Вэньвэнь. А она начала пробиваться вперед и называть меня сестрой, конечно, мне это не понравилось! К тому же Чжоу Бинь дал ей воду!

Мать Хэ молчала. Кун Цин продолжала:

— Я сказала, что результатов теста еще нет, и так называть меня не стоит. Вокруг были одноклассники, если слух пойдет, а результат будет отрицательным — как ей потом в школе смотреть людям в глаза? Она об этом подумала?

Кун Цин говорила с жаром. Даже если по сюжету этого мира Ду Цяоци — родная дочь, до подтверждения так светиться было нельзя.

Мать Хэ задумалась еще сильнее. Она переживала не за ту дочь, что выросла с ней, а за ту, которую привезли, — как её теперь воспитывать? У девушек совершенно разные взгляды и манера поведения, быть беспристрастной очень трудно.

— Не волнуйся, Цици. Мама всё еще при своем мнении: не нужно идти против себя. Если вы поладить сможете — хорошо, а если нет — я не заставляю тебя через силу.

Кун Цин понимала мать. Ду Цяоци была очень странной. Даже если она хочет бороться за внимание, делать это так — верх нелепости. словно все говорят на простом языке, а она вдруг заговорила на древнекитайском.

Поскольку Кун Цин сама была «исполнителем», первой мыслью было то, что Ду Цяоци тоже может быть игроком, причем новичком, который действует наугад. В конце концов, основной сюжет завершен, и в этой параллельной ветке вполне могут оказаться одни актеры.

Кун Цин посмотрела на мать:

— Если она сестра, я постараюсь с ней поладить. Но ей нужно извиниться. За то, что она меня толкнула, она до сих пор не попросила прощения.

— Я поняла. Иди в свою комнату, мы с папой еще поговорим.

— Хорошо.

Кун Цин укатила в свою комнату делать уроки.

На следующее утро соревнований было немного, и день прошел спокойно. А после обеда Ду Цяоци начала «чудить» — в буквальном смысле.

В месте отдыха класса Кун Цин смотрела вперед, слушая спортивную музыку и комментарии диктора, и размышляла, на какие соревнования пойти дальше.

Ду Цяоци подошла к ней, встала вплотную и свысока спросила:

— Хэ Шици, почему ты так не хочешь признать, что я твоя сестра? Почему не хочешь меня принять?

Кун Цин опешила от такого напора, даже откинулась на спинку кресла:

— Что? Что не хочу?

Опомнившись, она села ровно и прочистила горло:

— Кхм. Во-первых, результатов теста еще нет. Ты правда думаешь, что твое поведение сейчас идет тебе на пользу?

Ду Цяоци презрительно усмехнулась:

— Ты просто боишься, что я отберу у тебя всё.

У Кун Цин случился короткий сбой в системе. Что? Отберет что?

— Слушай, ты в порядке? Что я могу бояться потерять? Хрупкое здоровье? Ужасные оценки? Или компанию моих родителей? Ты правда думаешь, что если ничего не учить, тебе доверят управление? Там столько профессионалов!

— Ты просто не хочешь, чтобы я отняла у тебя внимание папы и мамы, — продолжила атаку Ду Цяоци.

Кун Цин снова зависла:

— Ха? Что отнять? Внимание? С моей успеваемостью и здоровьем мне еще нужно бороться за внимание? Да я просто пару раз кашляну или поваляюсь на полу — и вся семья вокруг меня, понимаешь?

— Ты всё передергиваешь!

— Ладно, пусть будет так. Раз ты такая правильная, давай поговорим о деле. Ты толкнула меня, и я получила трещину в кости. Прошло уже несколько дней, пора бы извиниться, не находишь?

Ду Цяоци, видимо, не ожидала такого ответа, но продолжила гнуть свою линию:

— Ты так обо мне думаешь?

Кун Цин снова не успела за её логикой:

— Неважно, что я о тебе думаю. Сделала ошибку — извинись, это нормально, нет?

— Я знаю, что тебе нравится Се Юйму, я не стану у тебя его отбивать, — выпалила Ду Цяоци.

Кун Цин рассмеялась от абсурда.

— Прошу тебя, сходи к ЛОРу или в психиатрию! Ты не слышишь, что я говорю, или не понимаешь?

Не давая ей вставить слово, Кун Цин подняла руку:

— Между нами есть только один нерешенный вопрос: ты меня толкнула, но не извинилась. Если ты считаешь, что преднамеренное причинение травмы не требует извинений — нам не о чем общаться. Если ты думаешь, что раз ты сестра, я обязана тебе уступать — нам тоже не по пути. Вся эта ситуация не имеет никакого отношения к тому, кто кому нравится. Если мы влюбимся в одного человека, это будет честная конкуренция, никто никому ничего не должен. Я говорю это в последний раз: не нужно больше нести отсебятину. Раньше я бегала за Се

Юйму, но мое поведение доставляло ему неудобства, поэтому я остановилась. И я не позволю другим от моего имени создавать ему проблемы. Если он тебе нравится — добивайся сама, меня не впутывай. Я признаю, что он мне нравится, он выдающийся человек, но вежливость — это не мешать другим. Надеюсь, ты это усвоишь.

Кун Цин высказалась и даже не заметила, что за её спиной собралась толпа. Она была на взводе — впервые так открыто проявила характер, не заботясь о последствиях. Любые люди и события, мешающие её миссии, вызывали у неё стресс. К Ду Цяоци она относилась с особой настороженностью — та выглядела чужеродно и странно.

Одноклассники, ставшие свидетелями этого разговора, тихо перешептывались, восхищаясь прозрением Хэ Шици. Кто-то даже беззвучно захолопал.

— Не удивительно, что Ду Цяоци нравится Се Юйму, но не извиниться за толчок — это уже слишком.

— Почему она прицепилась к Хэ Шици? Неужели думает, что та до сих пор бежит за Се Юйму? Это же сто лет как в прошлом.

— Я слышала что-то про тест ДНК?

— Результатов нет, а она уже кричит, что они сестры?

— Разве они не перевелись вместе с родителями?

— Тут явно что-то не так, надо разузнать.

Кун Цин посмотрела на Ду Цяоци, которая стояла ни жива ни мертва, и едва не сорвалась — неужели всё зря? Подождав еще немного, она собралась уезжать.

Ду Цяоци преградила ей путь и, казалось, осознала содеянное:

— Прости, я была права. Я не должна была тебя толкать. Я тогда... я сама не знаю почему. Прости, ты сможешь меня простить?

Кун Цин посмотрела ей в глаза. Извинение выглядело искренним.

— Ладно, я прощаю тебя. Но чтобы это было в последний раз.

Как раз вернулся Чжоу Бинь. Увидев странную атмосферу, он начал расспрашивать одноклассников, и, выслушав их, долго не мог закрыть рот от изумления.

Искусство языка в передаче из уст в уста достигло своего апогея. Каждый добавлял что-то свое.

Кун Цин, заметив Чжоу Биня, не стала вникать, чем он занят, и тут же скомандовала:

— Чжоу, скорее, идем на ту сторону, посмотрим, как Синьсинь метает копье!

Чжоу Бинь тут же пришел в готовность и покатыл коляску в сторону стадиона.

<http://bllate.org/book/19938/1962543>